

Е. Н.), и пусть не продается вовне нива или виноградник». После указания штрафа за нарушение этого повеления мы читаем далее в грамоте: «Так же [пусть будет] и по всем селам церковным в Водне и в Нерезях, посколькy [это] церковная прония, а не чья-то баштина»¹³.

Данное постановление, по нашему мнению, необычайно важно. Здесь мы вновь находим противопоставление баштины и пронии, но на этот раз уже «церковной». Это обстоятельство тем примечательнее, что оно подкреплено формулой запрета вступления какого бы то ни было прониара, кроме «св. Георгия»; таким образом, Георгиевский монастырь приравнен здесь к прониару.

Между тем для понимания формулировок грамоты об «ином прониаре» и «церковной пронии», оставленных Г. А. Острогорским без пояснений¹⁴, весьма уместно напомнить о том, что грамотой короля Милутина названные селения (Речице, Водно и Нерези) были пожалованы Георгиевскому монастырю в *полную собственность*, но вовсе не в качестве пронии¹⁵. Если же к этому прибавить и приведенное выше выражение данной грамоты «царская прония», т. е. в буквальном значении (по аналогии с «церковной пронией», т. е. пронией церкви, полученной церковью) — прония, принадлежащая самому византийскому царю, мы, скорее всего, должны будем признать, видимо, несостоятельность и недостаточность приводившихся в литературе толкований этих сведений грамоты 1300 г. о «царской» и «церковной пронии» и «прониаре».

В данном случае, по нашему мнению, разгадка этих непонятных, если применить обычное истолкование, формул заключена в следующем. Обращавшиеся к тексту Георгиевской грамоты исследователи (С. Новикович, Г. Острогорский и др.) расценивали и понимали встречающиеся в ней термины «прония» и «прониар» только в том смысле, какой уже установился и стал общеупотребительным в историографии, т. е. в смысле особого феодального аграрного института, своеобразной разновидности условного землевладения, присущей лишь Византии и некоторым славянским странам Балканского полуострова. Но в реальной действительности поздней Византии и в источниках той поры термин «прония» не всегда имел столь узкое и конкретное значение; напротив, его содержание нередко было «значительно шире»¹⁶. Так, в своем исследовании Г. А. Острогорский сам привел примеры «неточности в терминологии» поздневизантийской феодальной системы, которые свидетельствуют, что именно в церковных и монастырских документах второй половины XIII — начала XIV в. термин «прония» (и его синоним «экономия») идентичен «имению», «владению» (τὸ κτήμα), поэтому ввиду такой взаимозаменяемости слов в актах появляются «странные» выражения, вроде «церковные пронии» и т.п.¹⁷

Таким образом, и в Георгиевской грамоте 1300 г. слово «прония» означает вовсе не специфически византийскую форму условной собственности, заимствованную также сербским феодальным строем, а только обычное земельное владение, т. е. соответственно приведенным выше выдержкам — «царскую собственность» (или имение), «церковную собственность» (применительно к Речице, Водно и Нерези). Точно так же и термин «проиар» в данном тексте равнозначен «собственнику» (поэтому так именуется в грамоте монастырь св. Георгия), но не держателю условного военного земельного владения.

¹³ Р. Груий. Указ. соч., стр. 16.

¹⁴ Г. Острогорски. Пронија, стр. 131—132.

¹⁵ Р. Груий. Указ. соч., стр. 12 (Водно, Нерези), 14 (Речице).

¹⁶ К. В. Хвостова. Указ. соч., стр. 221.

¹⁷ Г. Острогорски. Пронија, стр. 69—70 (прим. 212), ср. стр. 172.